

Здесь и сейчас

Автор:

Гийом Мюссо

Здесь и сейчас

Гийом Мюссо

Лиза и Артур встречаются только раз в году. Весь год он проводит в поисках любимой. А она – в ожидании встречи с ним.

Лиза мечтала стать актрисой. Чтобы оплатить обучение, она устроилась работать в бар на Манхэттене, где однажды и познакомилась с молодым врачом Артуром Костелло. Это была любовь с первого взгляда, с первой искры.

Но Артур – не такой, как все. Если бы несколько лет назад ему рассказали, что с ним произойдет, он ни за что бы не поверил, сказал, что это дурной сон. Но сегодня этот сон для него – страшная реальность. Больше всего на свете он хочет выпутаться из ловушки, в которую его загнал самый могущественный враг – время. Но в одиночку вести борьбу невозможно. Лиза – вот кто может стать его союзником. Но хватит ли ей мужества?

Гийом Мюссо

Здесь и сейчас

© Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Э», 2016

* * *

Посвящается, моему сыну, моему отцу

Любовь кусается, ее укусы не заживают.

Стивен Кинг

История наших страхов

История нашей жизни – это история наших страхов.

Пабло де Сантис

1971

– Не бойся, Артур! Прыгай! Я ловлю.

– Точно, папа?

Мне пять лет. Ноги повисли в пустоте, я сижу на высоченной кровати с матрасом, где сплю вместе с братом. Протянув руки, отец ласково смотрит на меня и ждет.

– Давай, малыш!

– Боюсь.

– Я же ловлю, слышишь? Ты же знаешь папу! Давай! Не бойся!

– Сейчас...

– Прыгай, прыгай, чемпион!

Покачивая круглой головенкой, я собираюсь с духом. И, улыбнувшись во весь рот, бросаюсь в объятия папы, которого люблю больше всех на свете.

А папа – зовут его Фрэнк Костелло – отступает в последний миг на шаг в сторону, и я расплываюсь на полу, больно треснувшись подбородком. Я оглушен, я нем. Я не сразу могу подняться. Моя голова кружится, челюсть ломит. Но прежде чем я открою рот и начну реветь, отец преподносит мне урок, который я запоминаю на всю жизнь.

– Никогда никому не верь, Артур. Понял?

Я в ужасе смотрю на отца.

– НИКОМУ! – повторяет он грустно, явно сердясь на самого себя. – Даже родному отцу!

Часть 1

Башня Двадцати четырех ветров

Маяк

Я всегда спрашиваю себя, какие еще сюрпризы приготовило нам прошлое?

Франсуаза Саган

Бостон

Весна 1991-го

В первую июньскую субботу нежданно-негаданно в десять часов утра ко мне приехал отец. Привез миндальный бисквит и канолли с лимоном, которые испекла его жена специально для меня.

– А почему бы, Артур, нам не провести субботний денек вместе? – предложил он и включил кофеварку, словно был у себя дома.

С отцом мы не виделись с Нового года.

Упершись локтями в кухонный стол, я разглядывал себя в никелированном тостере. Половины лица не видно из-за бороды, волосы торчат, под глазами синяки от недосыпа и излишка яблочного мартини[1 - Коктейль на основе водки и яблочного сока (яблочного сидра или яблочного ликера). – Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примеч. ред.]. И одет я соответствующе – в старую, еще школьных времен, футболку с ребятами Blue ?yster Cult[2 - Американская рок-группа, созданная в Нью-Йорке в 1967 году, ее причисляют к пионерам хеви-метал.] и застиранные штаны «Барт Симпсон». Вчера вечером после двух суток дежурства я пропустил несколько стаканчиков в «Занзи Баре» с Вероникой Желенски, самой классной и не самой строгой сестрой в массачусетской больнице.

Прекрасная полячка провела со мной немалую часть ночи, а потом ей пришла в голову здравая мысль умотать домой, и часа два назад, забрав с собой травку и папиросную бумагу, она исчезла, избежав таким образом пристального внимания моего папочки, который был важной шишкой в хирургическом отделении той больницы, где мы с ней работаем.

– Двойной эспрессо лучше пинка помогает бодро начать день, – объявил Фрэнк Костелло, ставя передо мной чашку убойного кофе.

Он распахнул окна, собираясь хорошенько проветрить комнату, где неслабо паховало гашишем, но от комментариев воздержался. Я жевал привезенную выпечку и краем глаза посматривал за ним.

Два месяца назад отцу стукнуло пятьдесят, но выглядел он лет на десять старше из-за седых волос и морщин. Однако походка у него была легкая, фигура стройная, черты лица правильные, а глаза голубые, как у Пола Ньюмана. В это утро вместо дорогого костюма и узких кожаных ботинок он натянул на себя старые брюки цвета хаки, поношенный свитер и тяжелые башмаки на толстой подошве.

– Снасти и прикорм в машине, – сообщил он, выпив залпом чашку кофе. – Выезжаем немедленно, на маяке будем в полдень, перекусим наскоро и можем ловить дораду хоть до вечера. Если улов будет что надо, вернемся домой и приготовим рыбу в фольге с помидорами, чесноком и оливковым маслом.

Он говорил так, словно мы расстались вчера вечером. Звучало это немного фальшиво, но на слух приятно. Я потягивал не спеша кофе и раздумывал, с чего вдруг отцу приспичило провести со мной свободный день.

В последнее время мы почти не общались. Мне вот-вот стукнет двадцать пять. Я младшенький, у меня есть еще брат и сестра. С отцовского благословения и согласия брат с сестрой занялись семейным бизнесом – рекламой. Небольшое рекламное агентство на Манхэттене было создано еще моим дедом. Дело у них пошло неплохо. Да так неплохо, что в ближайшее время они собирались с выгодой продать свое агентство крупной рекламной фирме.

Я к этим их делам никакого отношения не имел. Конечно, я тоже принадлежу семье Костелло, но нахожусь где-то на периферии, я вроде гуляки-дядюшки, который предпочитает жить за границей и с которым не без удовольствия встречаются за обедом в День благодарения. Дело в том, что как только я стал более или менее самостоятельным, то уехал учиться как можно дальше от Бостона. Поступил в Университет Дьюка в Северной Каролине, потом учился четыре года в Беркли и еще год проходил ординатуру в Чикаго. В Бостон я вернулся всего несколько месяцев назад, чтобы продолжить обучение в ординатуре по экстренной медицине. Я вкалывал по восемьдесят часов в неделю, потому что свою работу я люблю, не работа, а сплошной адреналин. Мне нравились мои коллеги, нравилась работа в «Скорой помощи», нравилось узнавать, как жизнь выглядит с изнанки, в ее самом неприглядном виде. А когда не работал, уныло таскался по барам Норт-Энда, покуривал травку и спал с девчонками вроде Вероники Желенски, не слишком удачливыми и напрочь лишенными сентиментальности.

Отец не одобрял мой образ жизни, но права выражать свое недовольство у него не было. Я лишил его этого права: за свое обучение платил сам и никогда не просил у него ни гроша.

В восемнадцать лет, после смерти мамы, у меня хватило решимости уйти из дома и никогда ничего не ждать от отца. Моя решимость, похоже, его несколько не огорчила. Он женился на одной из своих любовниц, очаровательной и умной женщине, удостоив ее чести отныне терпеть все его выходки. Я навещал их два-три раза в год, и всех это устраивало.

Странно ли, что субботнее явление меня немало удивило? Папочка чертиком из табакерки снова впрыгнул в мою жизнь и схватил за рукав, собираясь вести по дороге примирения, к которой я пока еще не был готов.

– Так! Ты хочешь поехать со мной порыбачить или как, черт тебя дери? – спросил Фрэнк Костелло, не в силах и дальше скрывать, что раздосадован моим молчанием.

– Конечно, хочу. Только дай мне минутку, я приму душ и переоденусь.

Успокоившись, он вытащил из кармана пачку сигарет и закурил, щелкнув старой серебряной зажигалкой, которую я помнил с детства.

Я не мог не удивиться.

– У тебя же был рак горла! И после ремиссии ты опять начал курить?

Он смерил меня ледяным взглядом.

– Я подожду тебя в машине. – Отец поднялся со стула и выпустил клуб голубого дыма.

2

От Бостона до Кейп-Кода мы ехали часа полтора. Летнее утро радовало хорошей погодой. Синело безоблачное небо, солнечные лучи, проникая сквозь ветровое

стекло, рассыпались веселыми золотинками по панели приборов.

Верный своим привычкам, отец не затевал разговоров, но молчание не было гнетущим. По уик-эндам он любил за рулем внедорожника «Шевроле» слушать любимые кассеты. Всегда одни и те же: выборка из Синатры, концерт Дина Мартина и один из последних альбомов кантри братьев Эверли. Наклейка на заднем стекле расхваливала Теда Кеннеди, принявшего участие в выборах губернатора нашего штата в 1970 году. Отец любил поиграть в простоватого мужичка-деревенщину, но он был одним из самых известных хирургов Бостона и к тому же имел свою долю в предприятии, стоившем не один десяток миллионов долларов. Если кого-то из деловых людей обманывала его простоватая внешность, то такая доверчивость выходила этому человеку боком.

Мы проехали мост Сагамор и километров через сорок сделали остановку, заглянули в ресторанчик морепродуктов и взяли с собой сэндвичи с лобстером[3 - Булочка для хот-дога с крабовым салатом. – Прим. автора.], жареную картошку и несколько бутылок светлого пива.

Время еще только шло к полудню, а наш внедорожник уже катил по дороге, что вела к северной части Винчестер-Бэй.

Места здесь дикие – океан, скалы и никогда не унимающийся ветер. Вот здесь-то в окружении скал и высился Маяк двадцати четырех ветров.

Старинное сооружение представляло собой восьмиугольную башню высотой метров двенадцать, рядом с которой притулился небольшой деревянный, выкрашенный белой краской домик с острой черепичной крышей. В ясные теплые дни лучшего места для отдыха не найти, но стоило закатиться солнцу или тучам затянуть небо, как лучезарная почтовая открытка превращалась в сумрачный призрачный пейзаж, достойный Альбера Пинкхема Райдера.

Вот уже три поколения нашего семейства владели старинным маяком. Купил его в 1954 году мой дед Салливан Костелло у вдовы инженера, занимавшегося аэронавтикой, а инженер подхватил его на распродаже, какие устраивало американское правительство в 1947 году.

В 1947 году правительство, нуждаясь в деньгах, пустило в продажу множество сооружений, которые не имели стратегического значения. Башня двадцати

четырёх ветров оказалась в их числе. Маяк устарел. На холме Лангфорд пятнадцатью километрами южнее был выстроен другой, более современный.

Дедушка, необыкновенно гордясь своим приобретением, намеревался отремонтировать и маяк, и дом, превратив их в комфортабельную летнюю резиденцию. Начались ремонтные работы, а в начале осени 1954 года дед таинственным образом исчез.

Перед домом нашли его машину. Верх «Шевроле» был откинут, ключи лежали на приборной доске. Салливан имел обыкновение отпрапляться в полдень на берег, и там, усевшись среди скал и глядя на море, перекусывать. Предположили, что его смыло волной. А что еще можно было предположить? Океан не вернул нам его тела, но дедушку признали мертвым, утонувшим на побережье Мэн.

Сам я не знал дедушку, зато слышал о нем немало рассказов. Его вспоминали как большого оригинала, человека весьма своеобразного.

Мое второе имя Салливан, как у дедушки, и, поскольку мой старший брат отказался, я ношу и дедушкины часы, «Тэнк» Луи Картье начала 50-х, прямоугольной формы с синеватыми стальными стрелками.

3

– Забирай пакет с сэндвичами и пиво, посидим, перекусим на солнышке.

Отец хлопнул дверцей внедорожника. Я обратил внимание, что он прихватил с собой потертый кожаный портфельчик, который мама подарила ему на день их свадьбы, когда я был еще маленьким.

Я поставил сумку-холодильник на деревянный стол возле кирпичной барбекюшницы, сооруженной неподалеку от дома. Вот уже два десятка лет садовая мебель и два стула «адирондак» сопротивляются всем погодным условиям. Как им это удастся, не знаю.

Солнце светило вовсю, но ветерок, однако, прохватывал. Так что я сначала застегнул молнию на куртке доверху, а уж потом принялся раскладывать сэндвичи с лобстером. Отец вытащил из кармана перочинный нож, откупорил

две бутылки «Будвайзера» и уселся на одно из сидений из красного кедра.

– Твое здоровье! – сказал он и протянул мне бутылку.

Я взял бутылку и сел с ним рядышком. Наслаждаясь первым глотком пива, я заметил, что отец какой-то взъерошенный. Однако он молчал, и я молчал тоже. К сэндвичу он едва притронулся, откусил и отложил в сторону и тут же закурил новую сигарету. Напряжение нарастало. И тут я сообразил, что папуля приехал ко мне вовсе не за тем, чтобы мы тихо-мирно поудили рыбку, радостно хлопая друг друга по плечам при виде очередной дорады на крючке, что мне не видать как своих ушей, этих самых дорад, запеченных в фольге по-итальянски.

– Мне нужно сказать тебе кое-что важное, – начал отец и открыл потертый портфельчик, из которого вытащил несколько картонных папок, похоже, с какими-то документами.

На каждой папке красовался скромный логотип юридической компании «Векслер-Дельамико», уже не первое десятилетие стоявшей на страже интересов семьи Костелло.

Прежде чем начать, отец глубоко затянулся сигаретой.

– Я решил привести дела в порядок перед уходом.

– Уходом откуда?

Он насмешливо оттопырил нижнюю губу.

И тогда я поставил жирную точку над і.

– Ты хотел сказать перед смертью?

– Именно. Но ты не радуйся, я умру не завтра, хотя моя смерть, прямо скажем, не за горами.

Он прищурился, поймал мой взгляд и твердо объявил:

– Мне очень жаль, Артур, но ты не получишь ни доллара после продажи моей фирмы. Ни доллара от моих страховок и моей недвижимости.

Честно говоря, я такого разговора не ожидал, и мне трудно было скрыть удивление. Но мне было приятно, что в нахлынувшей буре чувств было больше удивления, чем обиды.

– Если ты тащил меня сюда, чтобы так меня порадовать, то мог бы и не стараться. Мне плевать на твои деньги, и ты это прекрасно знаешь.

Он наклонился над своими картонными папочками, разложенными на столе, будто не слыша, что я говорю.

– Я принял все необходимые меры, чтобы все мое наследство перешло к твоим брату и сестре.

Я невольно сжал кулаки. Зачем он затеял эту idiotскую игру? Лишает меня наследства? Да ради бога! Но к чему эти заходы, чтобы объявить мне об этом?

Отец снова затянулся сигаретой.

– Твое единственное наследство...

Он раздавил окурочок каблуком и замолчал. Эта пауза в несколько секунд показалась мне настоящей дешевкой.

– Твоим единственным наследством будет Башня двадцати четырех ветров, – объявил он и указал на маяк. – Земля, дом и маяк.

Порыв ветра покрыл нас пылью. От неожиданности я и слова вымолвить не мог и тоже замолчал, наверное, на целую минуту, а потом спросил:

– Ну и что мне делать с этой халупой?

Только отец собрался мне разъяснить, но вдруг сильно закашлялся. Кашель мне не понравился. Я смотрел, как его выворачивает, и жалел, что мы сюда приехали.

– Ты можешь принять наследство, Артур, можешь отказаться, – сказал он, немного отдышавшись. – Но если примешь наследство, должен будешь соблюсти два условия. Два условия, которые не обсуждаются.

Я сделал вид, что хочу подняться, а он продолжал:

– Во-первых, ты должен пообещать, что никогда не продашь башню. Слышишь меня? НИКОГДА. Маяк должен оставаться в семье. Навсегда.

Я насмешливо поинтересовался:

– А какое второе обязательство?

Отец долго массировал себе веки, потом тяжело вздохнул.

– Идем со мной, – позвал он и встал со стула.

Я неохотно потащился за ним. Он повел меня в домишко, который когда-то служил обиталищем хранителя маяка. Маленький деревенский коттеджик, где теперь пахло пылью и затхлостью. На стенах висели рыбачьи сети, лакированный деревянный руль и множество картин местных художников с изображением здешних мест. На каминной полке красовалась керосиновая лампа и парусник, заключенный в бутылку.

Отец открыл дверь в коридор – вернее, обитую деревом галерею, которая соединяла дом с маяком. Но вместо того, чтобы начать подниматься по лестнице, что вела вверх, на башню, он поднял деревянную крышку люка в полу, открыв ход в подполье.

– Пошли! – скомандовал он, доставая из портфельчика фонарь.

Скрючившись, я стал спускаться вслед за ним по скрипучим ступенькам, и мы оказались в подполе.

Отец повернул выключатель, и я увидел прямо-угольное помещение с низким потолком и кирпичными стенами. В углу сбились в кучу бочки и деревянные

ящики, покрытые пылью и паутиной со времен Мафусаила. Вдоль стен под потолком тянулись ржавые трубы. Детям строго-настрого было запрещено сюда спускаться, но, помнится, мы с братом, когда были еще мальчишками, все-таки сюда залезли. И отец устроил нам такое, что охота лазить в подвал пропала у нас навсегда.

- Ты бы сказал, в какую игру мы с тобой играем, отец!

Вместо ответа он вытащил из кармана кусок мела и нарисовал на стене большой крест.

- Вот на этом месте за кирпичом находится металлическая дверь.

- Дверь?

- Ход, который я замуровал лет тридцать назад.

Я недоуменно сдвинул брови.

- Ход куда?

Отец пропустил вопрос мимо ушей. Он снова забился в кашле.

Отдышавшись после приступа, он сказал:

- Это второе условие, Артур. Ты никогда не должен открывать эту дверь.

Тут мне показалось, что отца не миновало старческое слабоумие. Однако я все-таки собрался задать ему еще парочку вопросов, но он повернул выключатель и полез наверх.

Наследство

Прошлое непредсказуемо.

Ветер с океана не только усилился, но стал еще холоднее.

Мы с отцом снова сидели друг напротив друга за деревянным столом.

Отец протянул мне старенькую ручку со стальным пером.

- Теперь, Артур, ты знаешь оба условия, которые будешь обязан соблюдать. В завещании все прописано. Еще раз повторяю: ты можешь согласиться, можешь отказаться. Даю пять минут на размышление. Захочешь, поставишь свою подпись.

Отец откупорил еще одну бутылку пива и, похоже, почувствовал себя куда бодрее.

Я не сводил с него глаз. Мне никогда не удавалось обмануть его, понять и узнать, что он на самом деле обо мне думает. И все же я всегда старался любить его. Вопреки всему. И не только.

Фрэнк Костелло не был моим биологическим отцом. Мы с ним никогда на этот счет и словом не обмолвились, но оба про это знали. Он, уж точно, еще до моего рождения. А я – когда стал подростком.

Накануне моего четырнадцатилетия мама призналась мне, что зимой 1965 года у нее было долгий роман с нашим семейным доктором. Звали его Адриен Ланглуа, и он уехал в Квебек незадолго до моего рождения. Удар я вынес стоически. Как большинство семейных тайн, эта всегда подспудно отравляла атмосферу. Теперь мне даже стало легче. Непонятное отношение ко мне отца теперь получило объяснение.

Это может показаться странным, но я никогда не искал встречи со своим настоящим отцом. Я отправил полученную информацию в самый дальний угол сознания и, можно сказать, почти что забыл о ней. Семья – это вовсе не кровные

узы. В душе я всегда чувствовал себя Костелло, а не каким-то неведомым Ланглуа.

– Ну? Что ты решил, Артур? – повысил голос отец. – Ты хочешь получить эту халупу?

Я кивнул. Кивнул, потому что мне хотелось совсем другого. Хотелось как можно скорее покончить с этой дурной комедией и вернуться в Бостон. Я снял колпачок с ручки, но, прежде чем поставить в конце страницы подпись, еще раз попытался разговорить отца:

– Хорошо бы тебе рассказать мне об этом маяке побольше, папа.

– Я сказал все, что тебе нужно знать, – сердито заявил он.

Но я не сдался:

– Ничего подобного. Ты же не сумасшедший и прекрасно понимаешь, как странно все это выглядит.

– Я хочу защитить тебя!

Неожиданное признание. Интригующее из-за того, что говорил он искренне.

Я удивился, посмотрел на него и заметил, что у отца дрожат руки.

– Защитить от чего?

Он снова закурил, чтобы успокоиться, и его правда отпустило.

– Ладно, ты прав. Тебе надо кое-что знать, – начал он доверительным тоном. – Я скажу тебе то, чего никому еще не говорил.

И снова замолчал. Молчал с минуту, не меньше. Я тоже вытянул из пачки сигарету, не хотел ему мешать собираться с мыслями.

– В декабре тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года, после четырех с половиной лет отсутствия, мне позвонил отец.

– Ты шутишь?

Он в последний раз судорожно затянулся и бросил окурок на дорожку себе под ноги.

– Сказал, что он в Нью-Йорке и хотел бы повидать меня как можно скорее. Попросил никому не говорить о звонке и назначил встречу в баре терминала в аэропорту Кеннеди.

Я видел, что отец очень нервничает. Чтобы пальцы не дрожали, он сжал их в кулак, и, пока говорил, его ногти врезались в кожу ладоней.

– Я сел на поезд, приехал в аэропорт. Умирать буду, не забуду нашу встречу. Была суббота за неделю до Рождества. Снег валил вовсю. Рейсы то совсем отменяли, то откладывали. Салливан сидел и ждал меня в баре со стаканчиком мартини. Вид у него был измученный, краше в гроб кладут. Мы пожали друг другу руки, и я в первый раз увидел, как мой отец плачет.

– А потом что?

– Потом он сказал, что у него самолет, времени мало. Объяснил, что оставил нас, потому что не мог поступить иначе. Не уточняя, признался, что с ним случилась большая неприятность. Я спросил, чем могу ему помочь, он ответил, что сам попал в капкан, сам должен из него выбираться.

Я слушал, ушам своим не веря.

– А дальше?

– Попросил пообещать ему кое-что. Во-первых, никому не говорить, что он жив, никогда не продавать Башню двадцати четырех ветров, никогда не открывать железную дверь в подполье маяка и немедленно замуровать ее. Само собой, он не стал отвечать на мои вопросы. Я его спросил, когда мы увидимся, а он ответил так: «Может, завтра, а может, никогда». Запретил мне плакать,

приказал быть главой семьи, потому что его с нами больше нет. Вскоре встал, допил мартини, сказал, чтобы я уходил и выполнил свои обещания. «Это вопрос жизни и смерти, Фрэнк». Это были его последние слова.

Меня потрясла эта запоздалая исповедь, и я спросил:

– Ну а ты? Что ты сделал?

– Все, что пообещал. Точка в точку. Вернулся в Бостон, в тот же вечер съездил на маяк и сложил в подполе кирпичную стенку.

– И никогда не открывал железную дверь?

– Никогда.

Мы оба замолчали.

– Ни за что не поверю, что ты не пытался разузнать обо всем этом побольше, – наконец сказал я.

Отец развел руками.

– Я пообещал, Артур... И потом, если хочешь знать мое мнение, то за этой дверью явно скрыты одни неприятности.

– Какие, например?

– Я бы дорого дал, чтобы знать поточнее, но слово свое сдержу.

Я подумал немного и сказал:

– И все-таки есть кое-что, чего я не понимаю. Осенью пятьдесят четвертого, когда Салливан нежданно-негаданно исчез, мы ведь обшарили весь маяк, правда?

– Да. Сверху донизу. Сначала бабушка, потом я, потом шериф и его помощник.

- Значит, вы тогда открывали эту самую железную дверь?

- Да. И я прекрасно помню пустую комнатенку метров в десять с земляным полом.

- Там был люк? Или замаскированный проход?

- Нет, там не было ничего. Я бы заметил.

Я почесал в затылке. Все это показалось мне страшной бессмыслицей.

- Будем реалистами, - предложил я. - Что ужасного там можно обнаружить? Труп? Несколько трупов?

- Это первое, что приходит в голову. Я тоже об этом думал.

- В любом случае ты замуровал дверь в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году, так что даже если было совершено убийство, то существует статья о давности привлечения к уголовной ответственности.

Фрэнк помолчал с минуту, а потом почти беззвучно произнес:

- Похоже, за этой дверью что-то поужаснее трупа.

2

Небо почернело. Загрохотал гром. Несколько капель дождя упали на важные юридические документы. Я взял ручку и подписал каждую страничку, потом поставил свою подпись на последней.

- Похоже, с рыбалкой у нас ничего не получится, - сказал я и протянул отцу второй экземпляр подписанного договора.

Он нервно хохотнул и убрал документы в портфельчик.

В молчании мы дошли до внедорожника. Отец сел за руль и хотел уже повернуть ключ зажигания, но я остановил его, постучав в ветровое стекло.

– А почему ты попросил об этом меня? Я в семье не старший сын, и мы с тобой не так уж хорошо ладим. Почему твой выбор пал на меня?

Он передернул плечами, затрудняясь с ответом.

– Я думаю, ты хочешь защитить своих старших, настоящих детей! Так ведь?

– Не говори глупостей! – вскинулся он.

И засопел.

– Было дело, я ненавидел твою мать за обман, – признался он. – И тебя ненавидел, это тоже правда, потому что ты каждый день напоминал мне о ее измене. Но с годами я стал сам себя ненавидеть...

Он подбородком указал на маяк, который темным силуэтом проглядывал сквозь пелену дождя, и громко сказал, стараясь перекрыть шум грозы:

– Суть в том, что эта тайна мучает меня вот уже тридцать лет. И мне кажется, ты – единственный, кто способен ее раскрыть.

– И как мне это удастся, если нельзя открыть дверь?

– Теперь это твоя проблема, – заявил он и включил мотор.

Отец нажал на акселератор и резко тронул машину с места, так что гравий заскрипел под колесами. Секунда – и он уже исчез, словно утонул в потоках дождя.

З

Спасаясь от ливня, я побежал к дому.

В комнате и в кухне я искал виски или водку, но на проклятом маяке не нашлось ни капли алкоголя. В стенном шкафу я нашел старенькую итальянскую кофемолку «Мока» и в ней немного молотого кофе. Поставил кипятиться воду, насыпал туда кофе и приготовил себе большую чашку напитка, который должен был взбодрить меня. Через несколько минут в кухне приятно запахло кофе. Эспрессо был горьким, без пенки, но все-таки помог мне привести себя в порядок. Я сидел в кухне, устроившись за стойкой из покрашенного белилами дерева. Добрый час, пока лил дождь, я внимательно изучал документы, которые мне оставил отец. Фотокопии актов купли-продажи позволили восстановить историю нашей башни.

Маяк был построен в 1852 году и сначала представлял собой каменный домик на вершине холма. На его крыше была устроена башенка, где стоял фонарь с двенадцатью масляными лампами, которые вскоре были заменены линзой Френеля[4 - Сложная составная линза. В отличие от обыкновенных, она состоит не из цельного шлифованного куска стекла со сферической поверхностью, а из отдельных концентрических колец.]. В конце XIX века здание было уничтожено оползнем и пожаром. То, что досталось нам – башня и домик при ней, – было построено в 1899 году, а десять лет спустя маяк был снабжен более современной керосиновой лампой. Электричество добралось до маяка в 1925 году.

В 1947 году американское правительство вынесло решение о том, что маяк не является стратегическим объектом, и выставило его на аукцион, где распродавались в то время многие устаревшие военные объекты.

Согласно купчим, которые я перелистал, первого владельца звали Марко Горовиц, он родился в Бруклине в 1906 году и умер в 1949-м. Его вдова, Марта, 1920 года рождения, продала в 1954 году маяк моему деду, Салливану Костелло.

Я быстренько прикинул: Марте сейчас семьдесят один год. Скорее всего, она жива. Я взял ручку – хорошо, что лежала на стойке – и подчеркнул адрес, по которому она жила в те времена: Флорида, Таллахасси, Престон-драйв, 26. Я снял трубку с настенного телефона, позвонил в справочную, назвал адрес. Марта Горовиц больше не жила в Таллахасси, но оператор нашла в этом городе Эбигейл Горовиц. Я попросил связать меня с Эбигейл.

Эбигейл подошла к телефону. Я представился и объяснил, по какому поводу звоню. Она сказала, что она дочь Марко и Марты Горовиц, что ее мать жива, но с 1954 года дважды выходила замуж. Сейчас она носит фамилию своего мужа и живет в Калифорнии. Когда я спросил Эбигейл, помнит ли она Башню двадцати четырех ветров, она воскликнула:

- Еще бы! Мне было двенадцать лет, когда исчез мой отец!

Исчез... Нахмурившись, я снова перечитал купчую.

- В договоре о купле-продаже, который лежит передо мной, сказано, что ваш отец умер в тысяча девятьсот сорок девятом году. Это так?

- В сорок девятом году моего отца признали мертвым, но исчез он за два года до этого.

- Что значит исчез?

- Он исчез в конце сорок седьмого года, спустя три месяца после того, как купил маяк и находящийся рядом с ним маленький домик. Папа и мама были в восторге от этого места и собирались выезжать туда всей семьей на лето. Мы жили тогда в Олбани. В субботу вечером папе позвонил шериф округа Барнстейбл и сообщил, что прошлой ночью гроза на нашем участке повалила дерево и оно упало на линию электропередачи. Кроме того, полицейский сообщил, что пострадала черепичная крыша дома. Отец сел в машину и поехал на маяк, чтобы посмотреть, что там творится. Домой он не вернулся.

- Как это?

- Через два дня полиция приехала на маяк, олдсмобиль отца стоял перед домом, а его самого нигде не нашли. Полицейские прочесали маяк и все окрестности, но не нашли никаких причин, которые могли бы объяснить его исчезновение. Мама не теряла надежды, ждала его. Дни, недели, месяцы. До начала тысяча девятьсот сорок девятого года, когда судья официально объявил о его смерти, чтобы мы могли вступить в права наследования.

Сюрприз за сюрпризом. Об этой истории я тоже никогда не слышал.

- Ваша мама ждала пять лет, прежде чем решила продать маяк?

- Она больше и слышать о нем не хотела, а продала, когда ей понадобились деньги. Продажу поручила агенту по недвижимости из Нью-Йорка и попросила ничего не говорить соседям. У нас все знали об исчезновении отца и считали, что маяк приносит несчастье.

- С тех пор вы никогда не получали известий об отце?

- Нет, не получали, - подтвердила Эбигейл.

Потом вдруг спохватилась:

- Кроме одного раза.

Я молчал, давая ей возможность продолжить.

- В сентябре пятьдесят четвертого года в Нью-Йорке на вокзале произошла катастрофа. В час пик битком набитый поезд, идущий в Ричмонд-Хилл, столкнулся на полной скорости с другим поездом, из Ямайки. В результате девяносто человек погибли, более четырехсот было ранено. Одна из самых ужасных катастроф на железной дороге за все время.

- Да, я слышал о ней. Но какое она имела отношение к вашему отцу?

- В одном из поездов ехал его коллега. Он был ранен, но остался в живых. Когда поправился, приехал навестить маму и не переставал твердить, что отец ехал в том же самом вагоне, что и он, и погиб во время катастрофы.

Эбигейл говорила, а я на ходу торопливо записывал. Сходство с тем, что случилось с дедом, было разительным.

- Конечно, тела отца в этом поезде не нашли, но я тогда была подростком и долгое время находилась под впечатлением от его слов. Папин коллега стоял на своем, как камень.

Эбигейл закончила рассказывать, и я поблагодарил ее. Повесил трубку и подумал, что участь ее отца и моего деда была одинаковой. С разницей в несколько лет их обоих сгубил маяк, обладавший таинственной злобной силой.

Теперь единственным владельцем этого маяка был я.

Двадцать четыре ветра

Солнце освещало гибнущего в пропасти.

Виктор Гюго

1

Холод пробирал меня до костей.

Рукавом свитера я протер запотевшее окно. Еще не было четырех, а темно было как ночью. Небо почернело от туч, хлестал дождь, завывал ветер. Ничего не могло устоять перед ним: он гнул деревья, рвал электрические провода, сотрясал стекла. Во дворе громко скрипели качели, и их жалобный скрежет напоминал детский плач.

Мне надо было хоть как-то согреться. Возле камина лежало несколько поленьев и охапка хвороста. Я затопил камин и сварил себе еще кофе. Сегодняшние откровения повергли меня в ступор. Выходит, дед не утонул. Он бросил жену и сына и исчез неведомо куда. Но почему? Разумеется, никто не застрахован от приступа безумия или налетевшей, как молния, любви, но ни то, ни другое не могло иметь отношения к Салливану Костелло. Во всяком случае, судя по тому, что я о нем слышал.

Сын эмигрантов-ирландцев, он был ярым трудоголиком и в поте лица отвоевывал себе кусок американского пирога. С чего бы вдруг погожим осенним днем ему бросить все, что составляло самую суть его существования? Какую страшную и невероятную тайну хранил он в глубинах своей души? Чем

занимался, начиная с осени 1954-го и кончая декабрем 1958-го? А главное: что, если он и до сих пор жив?

Мне почему-то вдруг показалось, что надо найти ответы на все эти вопросы.

2

Я выскочил под дождь и нырнул в сарай, стоявший возле дома. Толкнул дверь и сразу же увидел среди старого ржавого хлама новенькую кувалду с переливающейся этикеткой «Хоум Депот»[5 - Сеть магазинов в Америке, торгующих товарами и инструментами для дома. (Прим. автора.)]. Надежный немецкий инструмент с толстой деревянной рукоятью и наконечником из сплава меди с бериллием. Отец наверняка купил эту штуку совсем недавно. Я бы сказал – только что. И уж точно для меня.

Мне почудилось, что зубы ловушки лязгнули.

Не раздумывая, я схватил кувалду, старое долото и бур, которые валялись рядом. Оснастившись инструментом, вернулся в дом и сразу же бросился в коридор. Люк в подвал был открыт. Не выпуская из рук кувалды, я спустился вниз по лестенке и повернул выключатель, чтобы осветить помещение.

Никто не мешал мне повернуться и уйти. Я мог бы вызвать такси, доехать до вокзала и вернуться в Бостон электричкой. Мог бы обратиться в агентство недвижимости и попросить сдать Башню двадцати четырех ветров. Летом у нас в Новой Англии этакая прелесть принесла бы мне не одну тысячу долларов в месяц. Словом, мог бы обеспечить себе надежный доход и жить себе спокойно.

Жить спокойно?

В жизни у меня была только работа. А в остальном – полная пустота. Ни друзей, ни подружки. Любить некого.

Картинка из давнего прошлого всплыла в памяти. Мне пять лет. Светловолосой своей головенкой я тянусь к отцу, который только что позволил мне растянуться на полу. Я в полной растерянности.

– Ты никому в жизни не должен доверять, понял, Артур? Никому! Даже собственному отцу!

Такое наследство было ядовитым подарочком. Фрэнк заманил меня в западню. У него самого не хватило духу открыть дверь. Он не решился нарушить обещание. И теперь хотел, чтобы это сделал кто-то вместо него, пока он еще не умер.

Выбор пал на меня.

3

Я то и дело вытирал со лба пот. Жарко здесь было до невозможности. Духота как в машинном отделении на корабле.

Я засучил рукава и взялся за кувалду двумя руками. Занес ее над головой, чтоб размах был покруче, и ахнул в самую середину нарисованного креста.

Сощурившись, чтобы осколки кирпича и пыль не запорошили глаза, ударил второй раз, потом третий.

В четвертый постарался занести кувалду еще выше. И зря. Долбанул кувалдой по двум трубам, которые тянулись по потолку. Струи ледяной воды обрушились на меня, но я все же сумел дотянуться до крана в распределителе и остановил потоп.

Но черт возьми! Я вымок с головы до ног!

Вода была не только ледяной, но еще и воняла гнилью. Я мигом сбросил брюки и футболку. По-хорошему, мне бы надо было подняться и переодеться, но жара и желание узнать, что же таится за загадочной железной дверью, удержали меня. Я вновь принялся за работу.

Оставшись в одних трусах в розовый горошек, я крушил кирпич, размахивая кувалдой, а в голове у меня крутились слова отца: «Похоже, за этой дверью что-то поужаснее труп...»

Еще несколько ударов, и я добрался до металлической поверхности. Через четверть часа я полностью освободил дверь, она была низкой, узкой, изъеденной ржавчиной. Я вытер пот, который ручьями бежал по моей груди, и двинулся к двери. На медной табличке, прикрепленной к ней, я разглядел розу ветров, процарапанную на металле.

Я уже видел этот рисунок, точно такой же был на каменном парапете, который окружал маяк. Рисунок из античности. Изображающий все ветра, которые тогда знали.

Сопровождала его предостерегающая надпись на латыни:

«Postquam viginti quattuor venti flaverint, nihil jam erit[6 - Подуют двадцать четыре ветра и ничего не оставят (лат.)].»

По всей видимости – однако, неизвестно, по какой причине, – эта роза ветров и дала название маяку.

Волновался я отчаянно, прикоснувшись к ручке двери. Повернул – она ни с места. Видно, заржавела – и ручка, и петли, и все остальное. Я жал изо всех сил и остался, так сказать, с ручкой – она просто отвалилась. Оглянулся и увидел на полу инструменты. Взял бур. Сунул его в скважину и стал им орудовать, надеясь, что он сработает как отмычка. Вертел, крутил, нажимал, и наконец послышался сухой скрип. Бур сработал. Дверь поддалась.

4

Я зажег электрический фонарик. Сердце у меня так и прыгало, когда я толкнул металлическую узкую дверь, а она со скрипом, царапая пол, открылась. Я осветил темноту фонариком. И увидел комнатку, примерно такую, какую описал отец. Метров десять величиной, с земляным полом, со стенами из необработанного камня. Кровь билась у меня в висках. Я осторожно вошел в комнату и осмотрел ее, осветив каждый уголок. На первый взгляд здесь было

совершенно пусто. Но земляной пол в ней не был плотным. Мне казалось, что я шлепаю по грязи... Я внимательно осмотрел стены: чистые, никаких надписей.

Из-за этого чулана столько шума?!

Да Фрэнк мне просто лапши на уши навешал! А встречу с дедом в аэропорте Кеннеди во сне увидел или же выдумал! Однако все-таки интересно: зачем ему понадобилось окружать наш маяк зловещими легендами, порожденными его больным воображением?

Вопросов становилось все больше. И тут вдруг в комнатенку влетел порыв ледяного воздуха и пронизал меня с головы до пят. От неожиданности я выронил фонарик. А когда наклонился, чтобы поднять его, то увидел, что дверь захлопнулась.

Я оказался в темноте, выпрямился и хотел протянуть руку, чтобы открыть дверь, но тело застыло, словно я превратился в ледяную статую. В висках колотилась кровь. Звук моего тяжелого дыхания давил на барабанные перепонки. Мне стало жутко.

Я почувствовал, что пол уходит у меня из-под ног, и невольно вскрикнул от ужаса.

Часть 2

Неведомо где

1992

Огни города

Дорога в ад так хорошо утоптана, что не требует починки.

Рут Ренделл

0

Сильный запах мирры и полированного дерева.

Камфарный запах фимиама и восковых свечей.

Отбойный молоток, взрывающий мозг в моем черепе.

Я пытаюсь открыть глаза, но веки словно сшиты. Я лежу на холодном и жестком полу. Щекой на камне. Дрожу от лихорадочного озноба. Постанываю. Грудь теснит боль, мешая нормально дышать. В горле пересохло, во рту горечь. Лежу, потому что не в состоянии двигаться.

1

Мало-помалу тишина сменяется гулом разъяренной толпы. Ее гнев нарастает.

Но против чего?

Я делаю нечеловеческое усилие, поднимаюсь и открываю глаза. Глаза режет, я плохо вижу. Стараюсь рассмотреть, что находится вокруг меня.

Полусвет. Вдалеке распятие. Свечи в канделябрах. Бронзовая сень. Мраморный алтарь.

Пошатываясь, я делаю несколько шагов. Похоже, я в какой-то церкви. Вернее, в соборе. Стою на хорах. Внизу передо мной неф шириной в несколько метров и длинные ряды деревянных скамеек, украшенных резьбой. Поднимаю голову и вижу множество цветных витражей, сквозь которые сочится свет. Взглянув на готический свод высотой под тридцать метров, я почувствовал, что у меня закружилась голова.

В глубине собора сияет множеством труб величественный орган, а на него оком циклопа смотрит окно-роза, переливаясь всеми оттенками синевы.

- Позовите полицию!

Так кричат сбившиеся в толпу люди. Десятки пар глаз устремлены на меня: смотрят туристы, смотрят верующие, пришедшие сюда помолиться, смотрят священники, замершие возле исповедален. Я наконец понимаю, что возмущение этих людей относится ко мне, и обнаруживаю, что я стою перед ними почти голышом, в трусах в розовый горошек и в заляпанных грязью кроссовках.

Что же я здесь делаю, черт побери!

Дедушкины часы по-прежнему на моей руке. Я быстренько взглянул на них – семнадцать часов двенадцать минут. А вокруг меня продолжается круговерть. Я не забыл разговора с отцом, своих изысканий по поводу маяка и замурованной комнаты в подполе, где царила сумасшедшая жара. Не забыл металлической двери, которая вдруг захлопнулась.

Но что произошло потом?

Я почувствовал, что ноги мои подламываются, и оперся о пюпитр, на котором лежала здоровенная Библия в кожаном переплете. По спине тек холодный пот. Мне во что бы то ни стало нужно было выбраться отсюда. И чем скорее, тем лучше.

Поздно!

- Police! Don't move! Put your hands overhead! [7 - Полиция! Не двигаться! Руки над головой! (англ.)]

Два полицейских в форме вошли в церковь и пробирались через толпу по главному нефу.

Пока не пойму, что произошло, я им не дамся. Я собрался с силами и стал спускаться с хоров вниз по мраморной лестнице. Сделать первые шаги было очень трудно. Мои кости как будто превратились в стекло, и мне казалось, еще

шаг, и я разобьюсь с хрустальным звоном. Но, стиснув зубы, я уже шагал по боковому нефу, расталкивая встречных, уронил по дороге цветочный венок, высокий кованый подсвечник, этажерку с грудой молитвенников.

– Эй, вы! Остановитесь!

Не оборачиваясь, я шагал по скользкому каменному полу. Еще десять метров, и я толкнул первую дверь. Порядок! Я на улице.

Одолел еще несколько каменных ступеней вниз, встал на мостовую и...

2

Вой сирен и клаксонов оглушил меня. Выхлопы белого дыма поднимались от мостовой и таяли в грязном небе, где ко всему прочему рокотал вертолет. Влажным наэлектризованным воздухом было невозможно дышать: ощущение такое, будто попал в горячий котел.

Я едва удержался на ногах. Устоял, потом побежал, но, видно, не так уж шустро. Полицейский сгреб меня за загривок. От неожиданности я вскрикнул. Хватка будь здоров, но я все же сумел обернуться и пнуть его изо всех сил ногами. Преследователь отвалил.

Я побежал снова, но за мной припустился второй полицейский, вернее, вторая – толстая тетка-коротышка. Про эту я точно понял – не догонит. Однако я переоценил свои силы. Сильно подводили ватные ноги. И продышаться я тоже никак не мог. Собрался было бежать через улицу наперерез движению, но тут дамочка в форме подставила мне подножку, и я растянулся во весь рост на асфальте. Не успел головы поднять, как у меня за спиной на руках защелкнулись наручники, больно куснув запястья.

3

20 часов

В клетке.

Закрыв лицо ладонями, я массировал большими пальцами виски, мечтая о трех таблетках аспирина и жаропонижающем.

После ареста полицейская машина отвезла меня в 17-й участок, крепость из темного кирпича на перекрестке улиц Лексингтон и 52-й.

Привезли и тут же отправили в общую камеру к наркоманам, бомжам и мелким воришкам. Располагалась она в подвале, не камера, а парильня. Ни тебе кондиционера, ни окна, сквозняка и того нет. Зимой здесь небось зверский холод, ну а летом потеешь, как в сауне. Усевшись на скамью, наглухо приделанную к стене, я прождал добрых три часа, прежде чем начальники озаботились, чтобы выдать мне одежду. Голая грудь и трусы в горошек здорово возбудили моих сокамерников, они вдоволь надо мной поиздевались.

Когда же наступит конец кошмару?

- Возбуждаешься, когда шастаешь голышом, гомосек чертов?

Так не меньше часа доставал меня колдырь, усевшийся рядышком со мной. Тощий, как бродячий пес, опустившийся пьяница, весь в парше. Маясь без выпивки, он бубнил грязные ругательства и расчесывал до крови покрытые рыжей щетиной щеки. В Бостоне, на «Скорой помощи», где я работал, мы каждый день привозила в больницу таких колдырей. Они, как правило, существа уязвимые, агрессивные, раздавленные жизнью и улицей и живут вне действительности. Мы подбирали их в состоянии этиловой комы, гипотермии или умственного расстройства.

- Костюмчик себе подобрал самый-самый, чтобы задницу тебе чистили, а, голубенький?

Сосед внушал мне жалость. Но и страх тоже. Он внезапно поднялся и схватил меня за руку.

- Скажи, а нет ли у тебя чутка пивка в труселях? Водчонки в твоём крантике?

Я осторожно высвободил руку. Несмотря на удушающую жару, бухарь кутался в толстое шерстяное пальто, замызганное и грязное до невероятности. Он

плюхнулся обратно на скамью, и я заметил торчащую у него из кармана газету, сложенную вчетверо. Отодвинувшись, пьяница растянулся на скамье и уткнулся носом в стену. Через секунду он уже снова что-то несвязно бормотал себе под нос. Я вытащил у него из кармана газету и лихорадочно развернул ее. Оказалось, что это номер «Нью-Йорк таймс». Набранный крупными буквами заголовок гласил:

В БОРЬБЕ ЗА ПОСТ ПРЕЗИДЕНТА ДЕМОКРАТЫ

ОТДАЮТ ПРЕДПОЧТЕНИЕ БИЛЛУ КЛИНТОНУ.

НОВОЙ АМЕРИКЕ – НОВОЕ ЛИЦО!

Под заголовком размещалась большая фотография: улыбающийся кандидат в президенты под руку с женой Хиллари и дочерью Челси стоит перед огромной толпой народа.

16 июля 1992 года – такая дата красовалась на газете.

Я закрыл лицо ладонями.

Быть такого не может...

Мне не надо было напрягаться и чесать в затылке, факт оставался фактом: мое последнее воспоминание относилось к началу июня 1991-го. Передо мной разверзлась пропасть, и сердце, трепеща, полетело вниз. Я почувствовал, что раздавлен. Пытаясь справиться с шоком, я начал дышать глубже и постарался найти разумное объяснение всему случившемуся. Чем можно объяснить сбой в моей памяти? Мозговой травмой? Психической? Употреблением наркотиков?

Я как-никак врач. Пусть не невролог по специальности, но я немало поработал в разных больницах и прекрасно знал, что амнезия зачастую остается загадкой для врачей.

Мой случай, без сомнения, антероградная амнезия[8 - Нарушение памяти о событиях после начала заболевания. При этой разновидности амнезии сохраняется память о событиях, произошедших до начала заболевания или до травмы.]. Я не сохранил ни единого воспоминания о событиях, которые последовали за моим вторжением в «запретную» комнату на маяке. Начиная с этого момента у меня в мозгу произошла блокировка. Я выпал из своей собственной жизни.

Почему?

Я задумался. В моей практике попадались пациенты, неспособные фиксировать новые впечатления после того, как их постигла какая-то очень сильная травма. Так организм защищается от возможного безумия. Провал в памяти обычно длится в течение нескольких дней после травмирующего события. В моем случае провал длился более года...

Черт побери!

- Артур Костелло?

Полицейский встал у дверей камеры и громко выкрикнул мое имя.

- Это я. - Я встал.

Полицейский отпер решетку, взял меня за руку и помог выйти из камеры. Мы миновали лабиринт коридоров, и я оказался в комнате для допросов, помещении в двадцать квадратных метров с большим зеркалом, металлическим столом, прикрученным к полу, и тремя разномастными стульями.

Я узнал первого полицейского, который пытался меня арестовать и которого я сбил ударом ноги. У него на голове была повязка, и смотрел он на меня недобрым взглядом, словно бы говоря: «Мерзавец!» Я без всякой наглости подмигнул ему, желая сказать: «Давай обойдемся без упреков, идет, парень?» Рядом с ним сидел еще один офицер - латиноамериканка с черными как смоль волосами, завязанными в хвост. С насмешливой улыбкой она протянула мне поношенные спортивные брюки и серую хлопчатобумажную футболку. Пока я облачался в свой новый костюм, латиноамериканка сообщила, что она будет вести протокол, и посоветовала говорить правду.

Она начала задавать вопросы, а я отвечал, сообщив, как меня зовут, сколько мне лет, назвав адрес и профессию. Она предъявила мне обвинение: эксгибиционизм в месте отправления религиозного культа, отказ повиноваться органам охраны порядка, драка с офицером полиции, а потом спросила, признаю ли я эти обвинения. Я молчал, и она пожелала узнать, нет ли у меня психического заболевания. Я заявил о своем праве не отвечать на вопросы и потребовал адвоката.

- У вас есть средства на оплату услуг частного адвоката или вы согласны на общественного?

- Я хотел бы, чтобы меня защищал мэтр Джеффри Векслер, адвокат из Бостона.

Полицейская ничего не ответила, дала мне подписать показания, а потом заявила, что завтра утром я должен предстать перед судьей, затем позвала помощника, и он отвел меня в mugshot room[9 - Неофициальный термин, который используют полицейские. Речь идет о специальном помещении, где задержанного фотографируют, снимают отпечатки пальцев, измеряют его рост и т. п.], где у меня сняли отпечатки пальцев и сфотографировали.

Прежде чем распорядиться о моем отправлении в камеру, мне разрешили позвонить.

4

Без большой охоты я решил набрать номер отца, мистера Фрэнка Костелло. Я не был уверен в его доброжелательности, но знал, что только он может вызволить меня из нелепого положения, в которое я вляпался. Я позвонил Полине, его секретарше в больнице, которая когда-то была еще и его любовницей. Полина очень удивилась, услышав мой голос, и сообщила, что Фрэнк сейчас в отпуске, отдыхает с женой в Италии, на берегу озера Комо.

- Не верю своим ушам, Полина! - в свою очередь удивился я. - Отец никогда не брал отпусков и уж тем более не уезжал за шесть тысяч километров от дома.

- Все меняется, - ответила она со вздохом.

– Я не могу сейчас подробно говорить о причине моего телефонного звонка, но мне нужно переговорить с Фрэнком незамедлительно. Это крайне важно!

Полина опять вздохнула, попросила подождать и через минуту хриплый голос отца пророкотал:

– Черт! Неужели ты, Артур?

– Привет, папа!

– Почему целый год не подавал о себе вестей? Мы все с ума сходили от беспокойства!

Я не стал отвечать и в трех словах я описал ситуацию, в которой оказался.

– Но где ты целый год пропадал, черт тебя дери?!

Я чувствовал, как он злится на другом конце провода. Голос у него был глухой, словно он говорил с того света.

– Представь, не имею ни малейшего понятия, – сообщил я. – Мое последнее воспоминание – это летний день, когда ты привез бумаги, и я подписал их, став наследником маяка.

– Вот-вот, поговорим о маяке! Я видел, что ты сломал кирпичную стену. А я строго-настрого запретил тебе к ней прикасаться!

Замечание вывело меня из себя:

– Да ты только того и ждал! Ради этого все затеял! Сам купил кувалду!

Отец не стал возражать. Его гнев тоже явно был напускным, а сам он просто изнывал от любопытства. Продолжение разговора подтвердило, что я был абсолютно прав.

– Ну и... Что ты нашел за дверью?

– Вагон неприятностей! – ответил я, чтобы от него отвязаться.

– Что ты нашел?! – повторил он уже угрожающим тоном.

– Если твой адвокат вытащит меня из тюрьмы, все узнаешь.

Последовал длительный приступ кашля, потом отец пообещал:

– Сейчас позвоню Джеффри. Он тобой займется.

– Спасибо. А скажи мне, папа, ты уверен, что сказал мне все, что знаешь, о маяке?

– Ну конечно! С чего бы я стал от тебя что-то скрывать? Но, может, тебе вообще не стоило ничего говорить, потому что ты меня не послушался.

Нет! Я совсем не хотел, чтобы папочка на этом закончил разговор и повесил трубку.

– В первую очередь я имею в виду дедушку.

– Ах, дедушку! Поверь, я сказал все, что знаю. Клянусь, положив руку на головки детей.

У меня невольно вырвался нервный смешок. Именно так отец всю жизнь клялся матери, что он ей не изменяет. Положив руку на головки детей...

– Фрэнк! Скажи мне правду, черт побери!

Мне показалось, что сейчас он выкашляет все свои легкие. Внезапно меня осенило. Судя по быстроте, с какой Полина меня с ним соединила, отец не отдыхал ни в какой Италии, он лежал в больнице с раком легких, но не хотел, чтобы кто-то об этом знал, и был уверен, что ему удалось опять всем навешать лапши на уши.

– Ладно, – наконец выговорил он. – Есть кое-что, о чем, наверное, тебе следовало бы знать.

Я приготовился ко всему! И ни к чему тоже.

– Твой дед жив.

Я отцу не поверил и попросил его не шутить.

– К несчастью, я не шучу.

– Что значит, к несчастью?

Я услышал глубокий вздох, потом отец сообщил:

– Салливан в Нью-Йорке. В психиатрической лечебнице на Рузвельт-Айленд.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы осмыслить эту новость.

Латиноамериканка в форме похлопала меня по плечу, давая понять, что я не имею права висеть на телефоне вечно. Я приложил руку к груди, прося еще несколько минут.

– И давно ты знаешь, что Салливан жив?

– Тринадцать лет.

– Тринадцать лет?!

Еще один вздох. От усталости.

– В тысяча девятьсот семьдесят девятом году, вечером, мне позвонил представитель одного благотворительного общества в Манхэттене, которое занималось помощью бомжам. Его парни нашли Салливана в Сентралпарке. Он вел себя агрессивно, не понимал, где находится, был дезориентирован во времени.

- И ты, его родной сын, отправил его в дом для умалишенных?

- Не думай, что я отправил его туда с легким сердцем, - взорвался Фрэнк. - Но имей в виду: он исчез двадцать четыре года назад. Был очень болен, агрессивен и не поддавался контролю. Молот всякую чушь. Обвинял себя в убийстве какой-то женщины... И потом, не я сам лично решил отправить его туда. Он прошел не одну психиатрическую экспертизу, и диагноз был один: мания преследования, психоз, старческое слабоумие.

- Но как ты посмел утаить это от меня? Я имел право знать, что он жив! Ты лишил меня деда! Я мог бы его навещать! Мог бы...

- Не говори глупостей. Тебе бы не понравилось то, что ты бы увидел. От деда ничего не осталось, он превратился в овощ. Что толку его навещать? Только душу травить.

Мне не понравились рассуждения отца.

- Кто был в курсе? Мама? Сестра? Брат?

- Я доверился только твоей матери. А чего ты хотел? Я сделал все, чтобы история не вышла за пределы больницы. Думал о покое семьи, имидже фирмы.

- Внешние приличия, как всегда, на первом месте! Они для тебя дороже всего!

- Ты меня достал. Артур!

Я хотел ему сказать, что... Но он повесил трубку.

5

Следующий день, 9 часов утра

- Знаешь поговорку, сынок: у вас не будет второго шанса, чтобы произвести первое впечатление?

Мы уже стояли в коридоре суда, и Джеффри Векслер поправлял мне узел галстука. Его помощница, вооружившись кисточкой и тональным кремом, гримировала меня, пытаясь скрыть синяки под глазами и землистый цвет лица. У нас было всего несколько минут, чтобы выработать стратегию защиты перед встречей с судьей, но Джеффри, верный адепт философии отца, тоже считал, что внешнее важнее сути.

– Несправедливо, но непреодолимо, – повторил старичок-адвокат. – Если тебе удастся втереть судье очки, считай, что полдела уже сделано. Остальным займусь я сам.

Джеффри Векслера я знал с детства и, неизвестно почему, любил. Надо сказать, что законник хорошо знал свое дело. Он не только принес мне костюм, кредитную карточку и все документы – удостоверение личности, водительские права и паспорт, чтобы у суда не возникло никаких сомнений относительно добропорядочности мистера Артура Костелло. А еще позаботился о том, чтобы восстановить счет в банке. Не знаю уж, как ему это удалось, но мое дело слушалось первым.

Заседание не заняло и десяти минут. Соблюдая рутинную процедуру, полупроснувшийся судья быстренько перечислил обвинения, выдвинутые в мой адрес, и предоставил слово сначала обвинению, а потом защите. Джеффри принялся «размазывать манную кашу по тарелке». Необычайно убедительным тоном он настаивал с помощью всевозможных ораторских ухищрений, что речь идет о досадном недоразумении, и просил снять с меня все обвинения. Прокурор не заставил себя долго просить и снял главный пункт – обвинение в эксгибиционизме. А вот из-за сопротивления властям и нанесения полицейскому телесного повреждения они с Джеффри пободались. Прокурор отказался изменить формулировку. Джеффри пообещал, что мы опротестуем ее. Прокурор потребовал внести залог в двадцать тысяч долларов, Джеффри сбил сумму до пяти тысяч. Судья объявил, что в ближайшее время меня вызовут на следующее заседание, и опустил молоток.

Слушаем следующее дело!

Слушание моего дела закончилось, и я тут же сообразил, что Джеффри получил задание увезти меня в Бостон. Он настаивал, что я должен вернуться с ним, но я хотел сохранить свободу действий.

– Фрэнк будет недоволен, – пробурчал он.

– Если кто-то и способен с ним справиться, то только ты, Джеффри, – возразил я ему.

Он сдался. И сунул мне в карман четыре бумажки по пятьдесят долларов.

Наконец-то я на свободе!

Я вышел из здания суда и пешочком прошелся по городу. Было уже часов десять, но воздух еще дышал свежестью. Городской шум действовал на меня умиротворяюще. Ночью я не сомкнул глаз, но, оказавшись на свободе, почувствовал, что физически полностью восстановился. Руки и ноги действовали, дышалось легко, голова больше не болела. Бунтовал только желудок, кишки подводило, в животе бурчало. Я зашел в «Данкин Донатс», ублажил себя огромной чашкой кофе с пончиком, а потом направился к намеченной цели: Парк-авеню, Мэдисон, 5. В последний раз я был в Нью-Йорке, когда один из моих приятелей-врачей устраивал мальчишник, прощаясь с холостой жизнью. Сначала праздновали в Нью-Йорке, потом поехали в Атлантик-Сити. Автомобиль, помнится, арендовали у «Херца», стенд которого находился прямо в холле нашего отеля «Марриотт Маркиз», знаменитого высотным крутящимся баром. Сиди и любуйся Манхэттенем, обзор в триста шестьдесят градусов!

Когда я проходил по Таймс-сквер, меня, как обычно, замутило. Ночью каскады неоновых световых язв заслоняли язвы, которые нельзя было не заметить днем. Днем квартал не мог замаскировать разъедающую его заразу: на тротуарах у лавчонок с порнотоварами и кинотеатров с порнофильмами сидели бомжи, наркоманы с лицами зомби и усталые проститутки. Редкие туристы шарили по магазинам в поисках гнусных сувениров. Беззубый попрошайка кланчил милостыню, повесив на шею картонку с надписью «За ВИЧ мой спич!». В общем, Двор чудес на Перекрестке миров[10 - «Перекресток миров» – одно из названий Таймс-сквер. (Прим. автора.)], по-другому не скажешь.

Я пересек Бродвей и спустился в подземный переход, который вел прямо в холл отеля. И там без труда нашел стенд агентства по прокату автомобилей. Служащий проверил по компьютеру, остался ли я в их базе данных. Не желая терять время, я взял первую машину, которую мне предложили, – «Мазду Навайо» с двумя квадратными дверцами. Собираясь расплатиться, я убедился не только с удовлетворением, но и с радостью, что моя банковская карточка действует. Уселся за руль и покинул Манхэттен по скоростной автомагистрали ФДР, направившись на север.

Чтобы восстановить память, мне непременно нужно вернуться на место, где я испытал шок. Туда, откуда все началось, – в подполье Башни двадцати четырех ветров.

До Кейп-Кода я ехал четыре часа и всю дорогу шарил по радиостанциям, собирая информацию и слушая музыку – такие четырехчасовые ускоренные курсы, чтобы наверстать пропущенное за год. Я понял, что Билл Клинтон, о котором год назад я понятия не имел, чрезвычайно популярен. И что на всех волнах звучит бас-гитара рок-группы Nirvana. Еще я узнал, что весной народ чуть не разнес Лос-Анджелес после того, как суд оправдал четырех белых полицейских, которые отмолотили темнокожего Родни Кинга. По дрожи в голосе, с какой диктор объявил песню Living On my Own[11 - «Живу сам по себе».], я понял, что Фредди Меркьюри не так давно отдал концы. В передаче о кино народ обсуждал фильмы, о которых я слыхом не слыхивал: «Основной инстинкт», «Обязательства», «Мой личный штат Айдахо»...

7

Шел третий час дня, когда я свернул на гравийную дорогу, ведущую к Башне двадцати четырех ветров. Наш загадочный маяк, коренастый и несгибаемый, солидно высился среди скал, подставив деревянный бок сияющему в небе солнышку. Я вылез из машины и сразу же приставил руку козырьком к глазам, защищаясь от пыли, которую поднял в воздух береговой ветер.

По каменным ступенькам я поднялся в дом. Дверь коттеджика, притулившегося к маяку, оказалась запертой на ключ, но я подналег плечом, и она открылась.

За тринадцать месяцев здесь ничего не изменилось. Та же обстановка в деревенском стиле, декорация, неподвластная времени. В раковине кухни я

увидел кофемолку «Мока» и чашку, из которой пил кофе больше года назад. В камине все так же лежал пепел.

Я открыл дверь в коридор, который вел из дома на маяк. Дошел до конца коридора, открыл люк и по скрипучим ступенькам спустился в подпол.

Повернул выключатель. Прямоугольная комната была точно такой, какой я оставил ее год назад. Только вместо влажной жары теперь тут было свежо и сухо. Возле бочек и деревянных ящиков я увидел свои инструменты: кувалду, долото и бур, покрытые пылью и паутиной.

За проломом в кирпичной стене я увидел небольшую металлическую дверь. Я забыл закрыть за собой люк, и сквозняк скрипел дверью, поворачивая ее на ржавых петлях. Я подошел к двери без всякого страха, надеясь, что воспоминания тотчас вернуться ко мне и все станет более ясным. Я все пойму.

Я старался повторить все действия, какие проделал в первый раз. Стер ладонью пыль с медной дощечки, а латинскую надпись на ней снова счел насмешкой над собой.

Postquam viginti quattuor venti flaverint, nihil jam erit[12 - После двадцати четырех ветров не будет ничего (лат.)].

Становилось все холоднее и холоднее. Погреб не сделался гостеприимнее, но я был полон решимости довести эксперимент до конца. Борясь с дрожью, я вошел в комнатенку, похожую на тюремную камеру. На этот раз у меня не было с собой фонарика. В комнате было темным-темно. Я вздохнул, набрался мужества и приготовился закрыть за собой дверь. Я уже протянул к ней руку, но сквозняк опередил меня и захлопнул ее сам. Я вздрогнул от неожиданности и замер, напрягшись, готовый к испытаниям.

Но ничего не случилось. Никаких судорог, конвульсий, у меня не застучали зубы, кровь не начала пульсировать в висках.

Я уехал с маяка и успокоенный и огорченный, не сомневаясь, что упустил что-то важное.

Мне нужен был ответ, но, вполне возможно, искать его следовало в другом месте. Может быть, в кабинете психиатра, а может быть, на консультации у невролога.

Я сел за руль внедорожника и взял направление на Бостон, собираясь вернуться к себе домой. Полтора часа дороги показались мне нескончаемыми. Я ловил себя на том, что клюю носом. Меня одолела усталость, голова кружилась, глаза закрывались сами по себе. Я чувствовал, что весь покрыт грязью и изнурен до крайности. Хотелось влезть под душ, а потом завалиться в постель и хорошенько выспаться. Наверстать упущенное. Но сначала нужно было поесть. Меня просто корчило от голода.

Я пристроил машину на первом свободном месте на Ганновер-стрит, решив добраться до Норт-Энда, где я жил, пешком. Интересно, в каком состоянии моя квартира? И кто кормил мою кошку, пока меня не было?

По дороге я заглянул в продуктовый магазин: спагетти, соус песто, йогурты, средство для мытья посуды. Коробка «Вискаса». Словом, выйдя из бакалейного магазина, я тащил два здоровенных пакета из крафтовой бумаги. Поднялся по лестнице, увитой глициниями, что вела из Ганновера к холму, на котором стоял мой дом. Стоял и ждал лифта, держа свои сумки под мышками. Вошел в кабинку, благоухающую флердоранжем, извернулся и все-таки сумел нажать на кнопку последнего этажа.

Когда металлические двери лифта закрылись за мной, я вспомнил, что сказал мне отец, и невольно взглянул на часы. Семнадцать часов. Вчера в этот час я очнулся в одних трусах в соборе Святого Патрика.

Двадцать четыре часа назад...

Число двадцать четыре вдруг словно высветилось у меня в мозгу. Во-первых, Маяк двадцати четырех ветров, во-вторых, исчезновение Салливана длилось тоже двадцать четыре года...

Совпадение меня поразило, но обдумать его не получилось. Вдруг перед моими глазами все поплыло. В кончиках пальцев я ощутил покалывание, а к горлу подкатила тошнота. Меня начала колотить дрожь. Тело задрогалось, словно существовало само по себе. Меня как будто ток пробил. Будто тысячи вольт искрили в моем мозгу.

Пакеты с продуктами давно валялись на полу.

Вспышка, и я выпал из времени.

1993

Салливан

Я могу поверить всему,

если только это будет невероятно.

Оскар Уайльд

0

На меня обрушился кипящий ливень.

Дождь колотил с такой силой, что мне казалось, мне в череп вбивают гвозди. Жаркая, тропическая влага обрушивалась на меня лавиной, не давая открыть глаза. Я не мог дышать, я задыхался. Я кое-как держался на ногах, но словно бы против своей воли, словно находился под гипнозом. Мои колени подгибались, еще секунда, и я упаду. Оглушительный вопль чуть не разорвал мне барабанные перепонки.

Глаза открылись сами собой. Я... был в душе. Под мощной струей воды.

Рядом со мной стояла обнаженная молодая женщина, вся в мыльной пене, и вопила что было сил. На искаженном криком лице читалось испуганное изумление. Я похлопал ее по плечу, желая успокоить, но, прежде чем успел что-то сказать, получил кулаком в нос. Я пошатнулся и, защищаясь, закрыл лицо руками. Попытался перевести дыхание и получил второй удар, в грудь – упал, задев за фаянсовый край душевой. Попробовал ухватиться за занавеску, но пол был скользким. Приподнимаясь, я больно стукнулся головой о раковину.

Перепуганная женщина выскочила из душевой кабины, схватила полотенце и убежала из ванной.

Сидя на полу, я слышал, как она названивала соседям, призывая их на помощь. Слова долетали до меня не слишком отчетливо, но я сумел разобрать «насильник»... «у меня в ванной»... «вызвать полицию»...

Я все еще не мог разогнуться, сидел, согнувшись в три погибели, и пытался вытереть глаза. Из носа капала кровь, я едва дышал, словно только что пробежал марафон.

Мозг приказывал мне встать, но ноги и руки не повиновались. Тем не менее я понимал, что нахожусь в большой опасности. Урок в соборе Святого Патрика не прошел для меня даром. Любой ценой я должен был избежать тюрьмы. Я собрал все свои силы и с трудом встал на ноги, обвел взглядом ванную комнату, подошел к небольшому окошку, поднял вверх раму и выглянул наружу. Окно выходило на полоску асфальта между двумя домами. Высунув голову, я разглядел уходящую вдаль под уклоном прямую улицу в четыре полосы.

Желтые такси, фасады домов из темного кирпича, цистерны на крышах. Сомнений быть не могло, я опять оказался в Нью-Йорке.

Но где именно?

А главное – в каком году?

Голоса в квартире звучали все громче, а я тем временем перекинул ногу за раму и перебрался на железную пожарную лестницу. Худо-бедно, ступенька за ступенькой, я спустился вниз и пошел куда глаза глядят, принуждая свои бедные ватные ноги идти как можно быстрее. Взгляд привлекли таблички, на перекрестке, белая и зеленая. Вот теперь понятно. Я находился на пересечении 109-й улицы и Амстердам-авеню. Это северо-восток Манхэттена. Студенческий квартал Морнингсайд-Хайтс. И тут я услышал полицейскую сирену, она орала все ближе. Запаниковав, я резко свернул влево и юркнул в перпендикулярную аллею, засаженную кустами.

Оказавшись между двумя домами, я прижался к стене, переводя дыхание и набираясь сил. Вытер нос рукавом рубашки и увидел на рукаве кровь. Костюм был мокрым насквозь. Я внимательно осмотрел себя и убедился, что на мне та самая одежда, которую привез мне Джеффри Векслер. Шикарные «Тэнк» Картье показывали начало десятого.

Но день-то какой?

Я постарался сосредоточиться. Мое последнее воспоминание: кабина лифта в моем доме, пакеты с провизией на полу, меня корчит и корежит примерно так же, как корежило в первый раз в погребке на маяке...

Я чихнул. Воздух был теплым, небо голубым, солнце пригревало, а я стучал зубами от холода.

Мне бы переодеться...

Я поднял глаза: на окнах сушилась разная одежда. Конечно, не о такой я мечтал, но странно было бы сейчас капризничать. Я влез на мусорный контейнер и добрался по фасаду здания до окна с одеждой. Схватил, что попало под руку, и надел хлопчатобумажные брюки, полосатую футболку янки и джинсовую куртку. Нельзя сказать, что новый костюм сидел как влитой – брюки широковаты, футболка узковата, зато я в сухом. Я вытащил деньги из мокрого пиджака и выбросил его в мусорку.

Теперь можно было снова выходить на улицу. Я выбрался из закоулка и смешался с толпой. До чего же мне хотелось есть! Просто жуть! До колик, до головной боли. Так что, прежде чем хорошенько обдумать ситуацию, мне нужно

было перекусить. И тут же на другой стороне улицы я заметил закусочную.

Но вошел я туда не сразу, а сначала опустил две монетки в газетный автомат, с душевным трепетом ожидая, что же там обнаружу. Перво-наперво взглянул на дату. Сердце заколотилось.

Был вторник, 14 сентября 1993 года...

2

– Ваш заказ, сэръ: яйца, тосты, кофе.

Официантка поставила чашку и тарелку на пластиковый столик и наградила меня улыбкой, а потом опять удалилась за стойку. С аппетитом поглощая завтрак, я внимательно просматривал «Нью-Йорк таймс».

Ицхак Рабин и Ясир Арафат подписали мирный договор.

Президент Клинтон приветствует «мужественный шаг».

Статью сопровождала фотография. Скажем прямо, удивительная и неожиданная: перед Белым домом Билл Клинтон с широкой улыбкой держал за правую руку премьер-министра Израиля, а за левую – председателя Организации освобождения Палестины.

Многозначительный жест, важное соглашение, дающее надежду на мирное сосуществование враждебно настроенных народов. Но я-то где? В реальности? Или в четвертом измерении?

Я четко определил для себя ситуацию. На этот раз после моего последнего воспоминания прошло четырнадцать месяцев. Снова скачок во времени, резкий и необъяснимый. Долгий провал.

Господи! Да что это со мной творится?

Я почувствовал дрожь в руках и ногах. Мне стало жутко. Жутко, как малому ребенку, который не сомневается, что у него под кроватью затаилось чудище. Я чувствовал: в моей жизни происходит нечто необычайное. Крайне серьезное. Для меня уже не существовало протоптанных троп.

Я вздохнул поглубже, как часто советовал своим пациентам, и постарался успокоиться. Нужно сохранять лицо. Не дать вышибить себя из седла. Но куда идти? К кому обращаться за помощью?

Одно было совершенно ясно: не к отцу, он опять наврет с три короба. У меня забрезжила мысль о совершенно другом человеке. Единственном из живых, кто, скорее всего, пережил примерно то же, что и я. О моем деду Салливане Костелло.

Официантка обошла столики, интересуясь, не нужно ли еще кому-нибудь из нас кофе. Я воспользовался и попросил у нее план города, посулив щедрые чаевые.

И взялся за чашку, собираясь выпить кофе, пока он не остыл окончательно, а в голове продолжали вертеться слова отца: «Твой дед не умер. Салливан в Нью-Йорке. Он в психиатрической лечебнице на Рузвельт-Айленд».

На карте, которую мне принесла официантка, я внимательно рассмотрел узкую полосу берега в середине Ист-Ривер. Рузвельт-Айленд был, скорее всего, островком, расположенным между Манхэттеном и Куинсом. Островок примерно три километра в длину и метров двести в ширину, где я никогда в жизни не бывал. Припомнил только, что когда-то читал детектив, где говорилось о тюрьме, находившейся на этом островке, но ее, как видно, давно закрыли. А может быть, и нет. Я был медиком, и в моем мозге отпечатались, что на этом Рузвельте действуют два или три психиатрических центра и среди них печально известная больница «Блэкуэлл», которую все называют «Пентагоном» из-за формы здания с пятью фасадами. Должно быть, Салливан там и находится.

Возможность повидаться с дедом придала мне мужества. Туда-то я и отправлюсь, не медля ни секунды.

Только кто меня туда пустит? Ну, в общем-то, если я докажу, что я ему родной внук...

И тут я спохватился.

Бумажник!

Деньги из кармана я вытащил, а о бумажнике с документами и не подумал!

Я быстренько расплатился за завтрак и понесся на всех парах обратно в закоулок. Мусорный контейнер, по счастью, стоял на месте. Я нашел свои брюки, пиджак, влез в один карман, в другой. Обшарил все до единого.

Пусто.

Черт побери!

Если была хоть какая-то логика в безобразии, которое выпало на мою долю, бумажник должен был бы лежать в кармане пиджака. Украсть его не могли, воры ищут в карманах деньги, а не документы, а деньги никто не тронул.

Я его потерял!..

Я двинулся к Амстердам-авеню, лихорадочно размышляя, где мог посеять бумажник.

Скорее всего, он выпал у меня в ванной...

Ноги сами принесли меня к дому, откуда я сбежал час назад. Вокруг было спокойно и пустынно. Никаких следов полиции, никакого ажиотажа. Я обошел здание, твердо решив попытать счастья. До пожарной лестницы с земли не дотянуться, но я забрался на заборчик и все-таки влез на нее. Добрался до окошка третьего этажа. Осколки стекла успели убрать, вместо стекла приклеили скотчем картон. Мне не составило никакого труда справиться с картоном, я запустил руку, открыл шпингалет и влез внутрь.

Тихо. Похоже, никаких соседей. Хозяйка, как видно, быстренько подтерла лужи воды и пятна крови. Я на цыпочках обошел ванную. Никаких бумажников. В панике я присел на корточки, заглянул под колченогий комод, потом под деревянную этажерку с лекарствами, косметикой, феном и косметичкой на

полочках.

И вот под ней в пыли я и обнаружил мой драгоценный потерявшийся кожаный бумажник. Он вылетел, наверное, когда я грохнулся возле раковины.

Я протянул руку, вытащил его, удостоверился, что все мои документы на месте, и впервые за долгое время облегченно вздохнул. Разумнее всего было бы потихоньку убраться, но, опьяненный своей маленькой победой и доверившись царящей в квартире тишине, я решился высунуть нос из ванной.

3

В комнате никого. Беспорядок, но оформлено все вокруг со вкусом. В крошечной кухоньке на стойке бара начатая пачка мюсли и бутылочка питьевого йогурта. Хозяйка, как видно, опаздывала и забыла их убрать.

Я склевал несколько зернышек, положил мюсли на полку, а йогурт сунул в холодильник. Что-то меня удерживало в этой квартире. Я пытался понять, почему вдруг я в ней очнулся.

Вернулся в гостиную. Две узенькие этажерки завалены книгами. Видеомагнитофон и рядом с ним стопка кассет. «Сайнфелд», «Твин Пикс», авторское кино: «Париж, Техас» Вима Вендерса, «Секс, ложь и видео» Стивена Содерберга, «Злые улицы» Мартина Скорсезе, «Нобычный день» Этторе Сколы, «Лифт на эшафот» Луи Маля, а еще «Магазинчик ужасов» и фильмы с Мерил Стрип – «Выбор Софи», «Женщина французского лейтенанта», «Из Африки»...

На стенах репродукции шедевров Энди Уорхола, Кита Харинга, Жана-Мишеля Баския.

На низеньком столике пачка сигарет с ментолом и зажигалка I LOVE NY. Я уселся на канапе, заскрипевшем пружинами, и закурил сигарету. Сделал первую затяжку и вспомнил лицо молодой женщины, которая так отчаянно кричала под душем. Мне понятен был ее ужас: она испугалась. По всей видимости, знакомы мы не были. Стало быть, я возник перед ней наподобие распоясавшегося доктора Кто.

Я повернул голову, услышав мяуканье. Темно-рыжая полосатая кошка с круглыми глазами прыгнула на подлокотник кресла. Прищурившись, я прочитал на медальке ошейника «Ремингтон».

Как-то там мой кот? Наверное, стал бродягой...

– Привет, кис!

Как только я протянул к коту руку, чтобы погладить, он спрыгнул и исчез.

Я встал и отправился изучать вторую комнату. Спальня, в ней темный паркет и разношерстная мебель: старинная железная кровать, современное черное лакированное бюро, хрустальная люстра прошлого века. Рядом с постелью на тумбочке – номера «Театральной афиши» с современными мюзиклами (на обложках – маска и роза из «Призрака оперы», глаза из «Кошек», фотография трупы «Кордебалет»...) и несколько романов с загнутыми страницами («Молитва об Оуэне», «Любимый», «Последние дни Рафаэля»).

На стене фотографии хозяйки квартиры в разных нарядах – от вечернего платья до очень вызывающего белья. Цветные фотографии и черно-белые с самыми разными прическами: распущенные волосы, шиньон с прядями, конский хвост, каре, грива вьющихся волос на полуобнаженном плече. Девушка явно не была профессиональной манекенщицей, но, как видно, сделала подборку фотографий и ходила с ней по агентствам.

Над рабочим столом я заметил ксерокопию бланка с расписанием Джульярдской школы, самой престижной из театральных учебных заведений. На столе лежало заявление от Элизабет Эймс. Молодой женщине исполнилось двадцать, и она первый год изучала драматическое искусство.

Я открывал ящики и беззастенчиво заглядывал во все бумаги и документы, которые попадались мне под руку: в черновики любовных писем, адресованных некоему Дэвиду, фотографии обнаженной Элизабет, сделанные на расстоянии вытянутой руки и, возможно, предназначенные тому же Дэвиду, но которые она все же не решилась ему послать. Сведения о работе официанткой в баре «Франтик» в Ист-Сайде.

Прикрепленные булавкой к пробковой панели сведения о банковском счете самого огорчительного характера и множество напоминаний квартирной хозяйки о необходимости заплатить за жилье.

Я на несколько минут задержался в спальне, рассматривая фотографии на стенах. Одна из них притягивала меня как магнит: Элизабет в снежный день сидела на спинке деревянной скамьи под фонарем в Централ-парке. В вязаной шапочке, в великоватом для нее пальто и замшевых сапожках. Совсем не сексуальная фотка, но единственная, на которой она улыбалась.

Покидая квартиру, я снял эту фотографию со стены и сунул себе в карман.

4

Через два часа

– Я оставляю вас с ним наедине, – сказал медбрат. – Понятно, что у него нет оснований для агрессии, но вы сами врач, лучше меня знаете, таким больным основания не нужны...

Я находился на седьмом этаже больницы «Блэкуэлл», знаменитого «Пентагона», и стоял перед комнатой деда. Покинув квартиру Элизабет Эймс, я взял такси и доехал до перекрестка 2-й авеню и 60-й. Там по стоимости одной поездки в метро перебрался в кабине подвесной дороги через Ист-Ривер и оказался на Трэмвей-плаза, в центре Рузвельт-Айленд. А там уж пешком добрался до «Пентагона», построенного на южной оконечности островка. Больница всегда пользовалась скверной репутацией. Построили ее в середине XIX века и помещали туда больных оспой, чтобы они находились подальше от города. Затем переоборудовали в приют со всеми негативными приметами подобных заведений: обилие калек и больных, плохой уход и психиатрические опыты на грани дозволенных. В 60-е годы газетные статьи и книги зашумели о здешних злоупотреблениях, и под суд угодил не один представитель медперсонала. Потом обстановка в больнице улучшилась, но до сих пор она так и не избавилась от мрачного имиджа. С тех пор как я занялся медициной, года не проходило, чтобы не появлялись разговоры о ее скором закрытии. Но от реальности никуда не деться: «Пентагон» как работал, так работает, и в его стенах я надеялся обрести спасение.

– Предупреждаю заранее, – добавил медбрат, – кнопка вызова в комнате не работает.

Я с трудом смотрел этому парню в лицо. Как у Дзуликого, известного персонажа комиксов, – половина его лица сильно пострадала от ожогов.

– Так что, если возникнет проблема, не стесняйтесь, орите во все горло, – продолжал он. – Но имейте в виду, лекарства у него сильные, так что можете и не достучаться до него, но другого средства справиться с такими кексами нет.

– Вы забыли, что речь идет о моем дедушке!

– И что? Пошутить нельзя? – пожал он плечами.

Дзуликий открыл ключом комнату, впустил меня и запер ее за собой. Комнатка была крохотной, обставленной по-спартански: железная кровать, пластиковый колченогий стул и привинченный к полу стол. На постели полусидел, откинувшись на подушку, старик. Необыкновенный – с серебряной бородой и редкими седыми волосами до плеч. Он был неподвижен и, наверное, смотрел стеклянными глазами неведомые мне сны. Гэндальф[13 - Один из центральных персонажей легендарииа Джона Р. Р. Толкина, в частности, повести «Хоббит, или Туда и обратно» и романа «Властелин Колец».] под психотропными.

– Добрый день, Салливан, – сказал я и, немного робея, подошел к кровати. – Меня зовут Артур Костелло. Мы никогда не виделись, но я сын вашего сына, и, стало быть, вы мне дедушка.

Не так плохо для начала...

Салливан лежал не шевелясь, как каменный, и, похоже, даже не заметил моего присутствия.

– До недавнего времени я ничего о вас не знал, – объяснил я, усевшись на стул возле кровати. – Не знал, что вы живы, что находитесь в этой больнице. Если бы знал, то пришел бы навестить раньше.

Я прикидывал, сколько ему может быть лет, исходя из того, что говорил мне отец. Если не ошибаюсь, то, должно быть, недавно исполнилось семьдесят. Морщины и борода, закрывающая нижнюю часть лица, не мешали видеть, что черты у него правильные, лоб высокий, нос крупный, но благородный, подбородок волевой. Мне не составило труда представить себе его образ тридцатилетней давности, каким я видел его на семейных фотографиях: элегантный шеф фирмы, в сшитом по мерке костюме, крахмальной рубашке с запонками и в шляпе-федоре[14 - Шляпа из мягкого фетра, обвитая один раз лентой. Поля мягкие, их можно поднимать и опускать. На тулье имеются три вмятины.]. Особенно мне запомнилась фотка, где он сидит, положив ноги на письменный стол, с сигарой в кабинете своего агентства на Мэдисон-авеню. Другие времена, другой человек.

Я придвинул стул вплотную к кровати и постарался поймать его взгляд.

- Я приехал к вам сегодня и хочу попросить вас о помощи.

Старик и бровью не повел.

- Мне достался по наследству ваш маяк, Башня двадцати четырех ветров, и...

Я нарочно не закончил фразы, надеясь на ответ, на реакцию... Но ничего не дождался.

Я вздохнул. Зря я, наверное, сюда притащился. Во-первых, потому что мы чужие друг другу люди. Во-вторых, потому что Салливан окостенел в своей немоте, и трудно было себе представить, что он когда-нибудь ее нарушит.

Я встал и подошел к зарешеченному окну, за окном ватные облака плыли в сторону Астории. На улице теплынь, а в комнатенке ледяной холод. Я слышал бурчание воды в радиаторе, но тепла от него не чувствовал.

Я снова сел и сделал последнюю попытку.

- Фрэнк рассказал мне, что спустя четыре года после вашего исчезновения вы виделись с ним и попросили замуровать металлическую дверь в погребе.

Старик лежал все так же неподвижно, сложив на груди руки, и напоминал мраморное надгробие. Я продолжал:

– Я спустился в погреб, сломал стенку из кирпича и...

С кошачьей ловкостью Салливан, протянув руку, схватил меня за горло.

Схватил, как жалкого гусенка. Я потерял бдительность из-за его каменной неподвижности. И теперь он железной рукой жал мне на кадык. Задыхаясь, я смотрел на него выпучив глаза. Упоминание о двери подействовало на старика как электрошок. Он очнулся, и в его серых глазах загорелся опасный ледяной огонек.

– Зачем ты это сделал, поганец? – прошипел он мне на ухо.

Я попытался освободиться, но он надавил сильнее, показав, на чьей стороне преимущество. Откуда такая силища? Я чувствовал, как его пальцы сжимают мое дыхательное горло. Да он сейчас задушит меня, этот чокнутый!

– Ты открыл металлическую дверь? Ты вошел в комнату?

Я кивнул. Ответ привел его в отчаяние. Он ослабил хватку, и долго-долго кашлял.

– Вы псих, – прохрипел я и встал.

– Вполне возможно, – кивнул он, – а ты по уши в дерьме, мой мальчик.

Мы довольно долго молчали. Пристально, внимательно вглядывались друг в друга. Салливана было не узнать. Собранный, сосредоточенный, он словно бы очнулся от дурного сна. словно вернулся из дальнего путешествия. Живым острым взглядом он рассмотрел меня с головы до ног.

– Как, ты сказал, тебя зовут?

– Артур. Артур Салливан Костелло.

Услышав мое второе имя, он усмехнулся, и у него на щеках появились ямочки.

- А почему ты стибрил мои часы, Артур Салливан Костелло? - спросил он, ткнув в «Тэнк» Картье на моей руке.

- Хотите, верну!

Он положил руку мне на плечо.

- Нет, приятель. Поверь, они тебе нужнее, чем мне.

Он поднялся, захрустев костями, словно ему было тесно в собственном теле.

- Стало быть, ты открыл дверь и теперь хочешь знать, что с тобой произошло.

- Да, у меня к вам сплошные вопросы. И вам...

Он поднял руку, прерывая меня.

- Какой у нас теперь год?

- Вы что, смеетесь надо мной?

- Смеюсь.

- Сегодня у нас четырнадцатое сентября тысяча девятьсот девяносто третьего года.

Он замолчал, задумался, потом спросил:

- И чем ты занимаешься, паренек?

- Врач. А что?

- Ничего. Работаешь в больнице?

Я кивнул. Похоже, в его мозгу началась сумасшедшая работа, и глаза загорелись как-то особенно, но о причине такого преобразования мне было трудно догадаться.

- Покурить найдется?

- Не думаю, что здесь разрешено курить, - сказал я и показал на детектор дыма.

- Да в этой дыре ничего не работает, ты что, не понял?

Я вздохнул, порылся в карманах и протянул деду зажигалку и пачку сигарет с ментолом, которые стащил у Элизабет Эймс.

- Это что за дерьмо такое? - скривился он. - Ты меня за девчонку принимаешь? А «Лаки Страйк» у тебя что, нет?

Не дожидаясь ответа, он выругался и в конце концов, глубоко затягиваясь, стал курить ментоловую.

- Когда ты открыл дверь? - спросил он, став очень серьезным.

- В июне девяносто первого.

- Значит, сейчас у тебя второе путешествие. Когда очнулся в этот раз?

- Сегодня утром в девять. А что вы имеете в виду, говоря о путешествии?

- Я отвечу на все твои вопросы, малыш, но не раньше, чем ты окажешь мне услугу.

- А именно?

- Помоги мне смыться из этой крысиной норы. Сегодня же.

Я покачал головой.

– Вы шутите, Салливан. Это и невозможно, и нежелательно, – заявил я безапелляционным докторским тоном, каким не раз прежде говорил с больными. – В вашем состоянии это неразумно и...

Он издевательски расхохотался и ткнул меня пальцем в грудь.

– При чем тут я, малыш? Ты сделаешь это для себя. И выслушай меня хорошенько, у нас мало времени.

Он наклонился и шепотом стал давать инструкции. Как только я открывал рот, собираясь что-то сказать, он затыкал меня, повышая голос. Едва Салливан успел договорить, как заверещал детектор дыма.

Не прошло и двух секунд, и Дзуликий влетел в палату.

Увидев на столике сигареты и окурок, он рассердился:

– Свидание закончено, сэр, немедленно уходите.

5

По подвесной дороге я вернулся на Манхэттен.

Мозги у меня кипели, мысли путались. Меня поразила скорость, с какой Салливан придумал план побега, но я сомневался, что смогу его осуществить. Во всяком случае, в одиночку это было практически невозможно. Я хотел взять в банкомате деньги, но карточка на этот раз не сработала. Наверное, потому, что я ею не пользовался на протяжении двух лет. Я подсчитал свои ресурсы. Негусто: оставалось семьдесят пять долларов. Хватит на билет до Бостона, но вряд ли на что-то еще. Я взглянул на часы: приближалось обеденное время.

Чуть ли не бегом я помчался на Пенсильванский вокзал и купил билет до Бостона. Взглянул на табло: экспрессы уходили каждые два часа, очередной – в 13 часов 3 минуты. Я кинулся на платформу и успел вскочить в вагон.

Всю дорогу я пытался найти выход. Меня неотступно мучил вопрос: как справиться с обрушившимся проклятием и вернуться к нормальной жизни? Понял, что никто, кроме Салливана, мне не поможет. Тогда встал второй вопрос, и очень существенный для моей совести: имею ли я право помогать больному человеку бежать из психиатрической больницы? Я не знаю диагноза, не знаю его состояния. В том, что он способен на агрессию, я уже убедился. Агрессия может обрушиться на кого угодно, жертвами окажутся ни в чем не повинные люди.

Ответ на второй вопрос был однозначным: нет.

И третий вопрос: а есть ли у меня выбор?

И на этот вопрос тоже был однозначный ответ.

6

Бостон Саус Стейшн

16 часов 40 минут

Выскочив из вагона, я помчался как подорванный в деловой квартал. Времени у меня было в обрез: ни один банк после пяти не работал.

Отделение моего банка находилось на первом этаже современного здания неподалеку от Фанел-холла. Подбежав, я уткнулся в стеклянную дверь, которую только что запер охранник. Я забарабанил по двери, охранник обернулся и мрачно взглянул на меня. Я пальцем постучал по циферблату своих часов и показал: 16.59. Он отрицательно покачал головой и насмешливо мотнул подбородком в сторону настенных часов в холле: 17.01

Я тяжело вздохнул и еще разок яростно пнул дверь. Разозлившийся охранник собрался было покинуть свой пост, но проявил осторожность и вызвал ответственное лицо. Вот это удача! Передо мной появился Питер Ланг, банкир, который занимался счетами и сбережениями всей нашей семьи. Он узнал меня и сам открыл передо мной дверь.

- Артур! Давненько мы вас не видели!

– Путешествовал по Европе, – соврал я. – Понимаю, что явился поздно, но мне необходима ваша помощь.

– Входите, прошу вас.

Я поблагодарил, не строя никаких иллюзий, медовым тоном и уступчивостью Ланга я был обязан отцу, чьи денежки лежали у банкира. Я проследовал за Лангом в его кабинет, объяснил, что у меня дезактивировалась карточка, и попросил сообщить, как обстоят дела с моими финансами. Он сел за компьютер и стал нажимать на клавиши, выясняя обстановку. Во время моего двухлетнего «отсутствия» снятие денежных средств с моего счета не прекращалось. Квартплата, страховка и плата за учебу снимались каждый месяц с четкостью метронома. Поскольку больница перестала платить мне зарплату, банк делал выплаты с моего особого счета, залез, так сказать, в мой чулок. Мама незадолго до смерти положила на мое имя небольшую сумму в пятьдесят тысяч долларов, теперь от нее осталось девять.

– Я хотел бы их забрать, – сказал я.

– Это возможно, – скривился Ланг. – Вы вернетесь завтра и получите деньги, но оставите на счету не меньше тысячи.

Я настаивал. Объяснял, что должен уехать из Бостона сегодня же вечером, что крайне нуждаюсь в этих деньгах, что они были оставлены мне мамой. Я не рассчитывал, что растрогаю его, но он меня все-таки выслушал и постарался выполнить мою просьбу. Полчаса спустя он вручил мне восемь тысяч долларов наличными. Прощаясь, этот болван выразил мне свои соболезнования, словно мама умерла на прошлой неделе.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Коктейль на основе водки и яблочного сока (яблочного сидра или яблочного ликера). – Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примеч. ред.

2

Американская рок-группа, созданная в Нью-Йорке в 1967 году, ее причисляют к пионерам хеви-метал.

3

Булочка для хот-дога с крабовым салатом. – Прим. автора.

4

Сложная составная линза. В отличие от обыкновенных, она состоит не из цельного шлифованного куска стекла со сферической поверхностью, а из отдельных концентрических колец.

5

Сеть магазинов в Америке, торгующих товарами и инструментами для дома.
(Прим. автора.)

6

Подуют двадцать четыре ветра и ничего не оставят (лат.).

7

Полиция! Не двигаться! Руки над головой! (англ.)

8

Нарушение памяти о событиях после начала заболевания. При этой разновидности амнезии сохраняется память о событиях, произошедших до начала заболевания или до травмы.

9

Неофициальный термин, который используют полицейские. Речь идет о специальном помещении, где задержанного фотографируют, снимают отпечатки пальцев, измеряют его рост и т. п.

10

«Перекресток миров» – одно из названий Таймс-сквер. (Прим. автора.)

11

«Живу сам по себе».

12

После двадцати четырех ветров не будет ничего (лат.).

13

Один из центральных персонажей легендарного Джона Р. Р. Толкина, в частности, повести «Хоббит, или Туда и обратно» и романа «Властелин Колец».

14

Шляпа из мягкого фетра, обвитая один раз лентой. Поля мягкие, их можно поднимать и опускать. На тулье имеются три вмятины.

Купить: <https://telnovel.com/ru/giyom-myusso/zdes-i-seychas>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)